

Всеобщие понятия «демократия» и «деспотизм»

Говоря о свободе и демократии, мы имеем в виду сразу целый комплекс явлений: свободные и честные выборы, торжество закона, независимый суд и, конечно, признание основных прав и свобод. Мы верим, что это – универсальные принципы. Теоретически, в это же верит большинство стран, судя по их конституциям.

К сожалению, еще с начала Холодной войны, а то и раньше, те страны, которые не соблюдали основных принципов свободы, оспаривали их всеобщий характер, утверждая, что существуют культурные, цивилизационные и даже экономические особенности, и что некоторые цивилизации, например, конфуцианская или пост-коммунистические, не придают большого значения этим ценностям. Что некоторым обществам не нужна свобода слова или свободные и честные выборы.

И, как если бы таких утверждений было недостаточно, споры обостряются на фоне явных экономических успехов, которых добились некоторые авторитарные режимы.

«Сначала экономика, затем – демократия», заявляют сторонники авторитарного капитализма, утверждая «принцип Пиночета», который, как это ни странно, оказался очень популярным в бывших коммунистических странах, где поняли, что клановый капитализм намного лучше кланового коммунизма. Там также поняли, что клановый капитализм можно удержать только посредством фальсификации выборов, использования тайной полиции для подавления оппозиции, наказания за прозрачность и сохранение государственного контроля над средствами массовой информации и даже над Интернетом.

По-моему, Фрэнсис Фукуяма был прав, говоря, что идеологическая битва между либеральной демократией и авторитарным коммунизмом была выиграна. Капитализм победил, демократия захватила новые позиции. Но потом авторитарные режимы изменили тактику и начали отыгрываться. Никто не хочет быть коммунистом (собственно, еще за десять лет до Фукуямы один коммунистический лидер громко заявил, что «быть богатым великолепно»), и сегодня авторитарные лидеры объявили себя демократами, но, как они говорят, с учетом национальных особенностей.

Больше того, после развала коммунистических деспотий в 1989-1991 годах слишком многие из тех, кто, как мы думали, ухватится за возможность жить при свободе, этого не сделали. Факты не радуют. Печальная реальность состоит в том, что жители многих стран, вырвавшихся из коммунистического тоталитаризма, сегодня живут в условиях недемократического правления, пораженного коррупцией и клептократией. Честно говоря, три четверти из тех 400 миллионов (400 миллионов!) человек, к которым были обращены передачи Радио «Свобода» и «Свободная Европа», сейчас живут при режимах, которые «Фридом Хаус» считает «несвободными» или «частично свободными». Другими словами, пыл 1989-1991 годов угас. Многие уже не уверены, что нужно было выбирать демократию, а кто-то также понимает, что результат революций, совершенных предыдущим поколением, не всегда является демократией. Те немногие из бывших коммунистических стран, которые обрели свободу, сегодня входят в ЕС или стоят в очереди на вступление в ближайшем будущем.

Если посмотреть более широкую картину, то упадок либеральной демократии в Латинской Америке, Африке, Азии и на Ближнем Востоке даст немало поводов для пессимизма.

Все это только подтверждает аргумент, будто демократия, на самом деле, является элементом культуры. Будто свобода, уважение основных прав и свобод зависит от конкретной культуры, экономической системы, истории и т.п., будто демократия – не всеобщий принцип, а частное дело немногих.

В СССР всегда говорили, что там гарантируются социальные, а не индивидуальные права. Сегодня Россия, Китай и Иран повторяют высказывание Ли Куан Ю из Сингапура, что демократия и свобода – это «западные» модели, и неважно, что Тайвань, Япония и Южная Корея доказали обратное.

II

Конечно, удобно думать, что свобода – это цивилизационное понятие, что права человека, торжество закона и свободные и честные выборы – всего лишь описанные Хантингтоном особенности западного мира, а не всеобщие ценности. Или, как мы

слышим в оправдание так называемой «управляемой» или «суверенной» демократии, что для людей, живших при коммунистическом правлении, демократия без прилагательных не работает.

Но факты этого не подтверждают. Если посмотреть на успехи стран Балтии, Польши, Чешской Республики и других стран, переживших советское иго, то вызывает смех аргумент о том, что такие страны не могут быть демократическим в «западном» смысле этого слова, что для бывшего Советского Союза лучше подойдет «управляемая» или «суверенная» демократия. И правда, для сторонников «управляемой демократии» Эстония, Латвия и Литва оказались наиболее неприятным примером именно потому, что успехи этих стран, отраженные и в индексе «Фридом Хаус», и в индексе экономического расслоения Джини, прямо противоречат их аргументам. Вот потому-то, как я подозреваю, нас считают ядовитыми элементами. Но свобода – всегда яд для несвободы.

III

Интересно также заметить, что несвободные режимы настаивают на цивилизационной или культурной непригодности демократии, которую они называют «западной», однако сами они удивительно похожи друг на друга, как будто существует всемирная цивилизация бандитов.

И кто бы в этих странах ни правил – одна партия, диктатор, хунта или директорат кланов из взаимосвязанных секретных служб, мафии и нефтяных компаний, все несвободные общества отличаются, по словам Ричарда Савки, глубоким недоверием к конкуренции в политике как к средству принятия рациональных решений. Только несменяемый режим знает, что нужно делать. Это, в свою очередь, приводит к плохому управлению, а значит, обогащаются только те, кто тесно связан с правительством или на самом деле управляет им. Все это приводит к недостатку средств на здравоохранение, образование, социальные нужды и инфраструктуру. Получается, что такая система не работает. Старая шутка, что если бы в Сахаре построили социализм, там скоро появился бы дефицит песка, оказывается не такой смешной, когда прочтешь, что в Венесуэле, под властью ее выдающегося лидера, не хватает кофе.

Как заметил Амартия Сен в своей ужасной «Мировой истории голода», ни в одной

независимой демократической стране, где есть относительно свободная пресса, никогда не было голода в значительных масштабах.

Авторитарные режимы обладают также внутренней неустойчивостью, поскольку у них нет еще одного огромного преимущества демократии – механизма мирной передачи власти. Правителей гложет постоянный страх, что когда-нибудь они все потеряют при перестрелке в дворцовых коридорах – этой современной форме кровавой передачи пурпурного одеяния императоров в Римской империи, описанной Эдвардом Гиббоном. Если нет механизма упорядоченной передачи власти, вы не можете уйти на пенсию. Вы занимаете свой пост пожизненно, как папа римский, но незаконно и без божественного благословения.

Это также значит, что недемократические режимы по природе своей беспощадны, так как, признавая свое беззаконие, вы боитесь, что они, в соответствии с категорическим императивом Канта, поступят с вами так, как вы поступали с ними. Беспощадность усиливается по мере того, как граждане разочаровываются во власти или начинают участвовать в спектакле. Неудивительно, что «хлеба и зрелищ» – panem et circensis – было символом правления самых жестоких императоров Рима... и все ради сохранения своих привилегий и узаконивания их.

Так деспотичные режимы приобретают нервозность, страдают паранойей и по необходимости зависят от так называемых «силовых министров», руками которых они управляют и манипулируют конкурентами, даже если не арестовывают и не убивают их. История показывает, что зверство всегда было частью таких режимов, пусть и в разных формах: преторианской гвардии, опричнины, САВАК, КГБ, гестапо, штази, секуритате или мухабарата.

И это, в конечном счете, становилось причиной их падения. Невозможно вечно оставаться альфа-самцом. Вы стареете, инстинкты и реакция уже не те, и однажды появляется новый альфа-самец. Или стая восстает против вас.

Но это – в долгосрочной перспективе. В краткосрочной перспективе, в течение жизни одного человека (и я сейчас думаю о 50 годах, которые мои соотечественники прожили под гнетом советской оккупации) все это служит слабым утешением. И что еще хуже, жители свободных стран уговаривают вас «не раскачивать лодку», как это говорили даже американцы сначала «Солидарности», а потом и странам Балтии.

То есть, хотя деспотии и отказываются признавать всеобщее стремление людей к свободе и демократии, сами они удивительно похожи: все деспотические режимы, независимо от культуры, не признают ни цивилизационных, ни идеологических принципов Хантингтона.

Именно поэтому так важна работа «Фридом Хаус». Чтобы мы оставались начеку, чтобы не смирились с самодовольством, готовностью людей и даже правительств в своих международных отношениях согласиться с этой химерой под названием «стабильность», со всеми этими муссолини, при которых поезда приходят точно по расписанию, брежневскими, которые всегда выполняют обязательства по поставке природного газа, с теми, кто утверждал, что попытки эстонцев восстановить независимость нарушают комфортную жизнь самих эстонцев.

Это напоминает мне о событиях в Северной Африке за последние полтора года. Наверное, мы должны были уже понять на опыте Восточной Европы, Южной Африки, Тайваня и Южной Кореи, что свобода не появится как Афина из головы Зевса, как только сбегут деспоты и опустеет центральная площадь. Как правило, наступает хаос. Начинается погоня за властью многих соперничающих группировок, и далеко не все они – друзья свободы. Остается стремление отомстить. Криминал пользуется ослаблением государственного порядка. Как писал Питер Таунсенд в журнале «Ху», напоминая о «Скотном дворе» Оруэлла, «вот пришел новый хозяин, такой же, как старый хозяин».

Другими словами, свободу нужно строить. Она не появится сама. И поверьте эстонцу, это тяжелая работа.

Можно описать опыт демократизации пост-коммунистического мира, перефразировав начало романа «Анна Каренина» Льва Толстого: «Все успешные пост-деспотические страны проводят реформы одинаково. Каждая неуспешная страна оправдывается по-своему».

Недостаточно сменить режим. Это – самая быстрая и нередко обманчиво-простая часть дела. Все остальное, что мы считаем существенным для создания демократии – построение государственных институтов, установление торжества законов, развитие гражданского общества, обеспечение основных прав и свобод, экономический рост и

низкая коррупция – все это, как оказалось, требует многих лет, напряженных усилий, большого политического капитала и желания. И нельзя сказать, что достигнуты замечательные успехи: мы получили несколько «пятерок», немногим больше «четверок», слишком много «троек» и очень много «двоек».

В последнее время, когда мир сначала с восхищением, а потом с растущим ужасом наблюдал за народными восстаниями против авторитарных режимов в Северной Африке и в арабском мире, мы, жители пост-коммунистических стран, испытывали непреходящее ощущение дежавю. Мы узнавали себя, какими мы были всего одно поколение назад. Чувство «сейчас или никогда», ощущение, что, наконец, появился шанс сбросить застойное и удушающее правление, которое десятилетиями сдерживало нас и висело на нас. Воодушевление от успехов, недоумение от того, какой слабой оказалась тирания и как быстро сдалась или бежала та клика, которая десятилетиями угнетала страну.

А потом наступает шок от необходимости принимать на себя ответственность за управление страной. Нужно доставлять почту, управлять здравоохранением, платить зарплату. Разваливаются союзы коллег и единомышленников, появляются фракции, политика вырывается из тайного мира собраний диссидентов. Уже никто не прослушивает твой телефон, теперь ты – главный, и ты начинаешь беспокоиться, а можно ли доверять тем чиновникам, которые так долго работали в твоём министерстве. Ты щиплешь себя и пытаешься понять, происходит ли все это на самом деле. Да, происходит. Пришло время отложить игрушки, перестать изумляться. Пришло время работать.

И вот здесь-то свобода часто проигрывает. Ведь свобода, в конечном счете, довольно скучное дело, а в некотором смысле даже психологически трудное. Свобода – это работа, это необходимость делать что-то самому, и уже нельзя возложить на деспота ответственность за то, как идут дела или за плохую погоду. А это трудно. Посмотрите, как во многих странах за последний месяц неожиданно оказалось, что главный негодяй в мире – США.

Вот одна из основных, на мой взгляд, причин, по которым терпят неудачу революции: страх ответственности. Неспособность признать, что теперь ответственность возложена на меня, а не на мухабарат, сатану, «Юнайтед Фрут Компани» или КГБ. Боюсь, что это – тоже всеобщий принцип, общая черта провалившихся революций.

Но какой бы ни была причина неудачи, всегда можно найти оправдание. Каждая провалившаяся демократия оправдывается по-своему. А провалившейся можно назвать любую страну, где смена репрессивного режима не привела к демократии.

IV

Дамы и господа, в заключение я хочу обратиться к нам, гражданам всемирной демократической паутины, соединенным оптоволоконными кабелями и компьютерами, а также, и это намного важнее, соединенным общими ценностями и верой в чистоту духа каждого человека и в свободу.

Если разобраться, продвижение свободы в мире направлено против узурпации авторитарными режимами Вестфальского постулата о невмешательстве во внутренние дела стран. В основе Вестфальского мирного договора 1648 года лежал принцип *Cuius regio, eius religio* чья территория, того и религия, то есть, правитель определяет идеологию страны.

Вплоть до эпохи Интернета Вестфальская система и принцип невмешательства *cuius regio, eius religio* защищали правителей и режимы. Правитель мог делать все, что хочет, пока не выходил за пределы своих границ.

В киберпространстве страны сталкиваются с импортом потенциально разрушительных либеральных принципов открытого общества. Средства самовыражения, прозрачность и подотчетность, обеспеченные поиском в «Гугле», видео на «Ютубе» или записью в «Твиттере» представляют собой прямую угрозу запретительной политической системе, а Всемирная паутина превращает их во внутренние угрозы режиму. Поэтому режимам приходится полагаться на фильтрацию и блокирование, использовать изошренные системы мониторинга и контроля, привлекать интернет-компании к выявлению диссидентов, которые пишут в «Твиттер» и «Фейсбук». Когда все эти методы не дают результата, они просто отключают Интернет, как это сделал режим Мубарака в Египте.

Мы должны выбрать один из двух путей: или изменить природу Интернета, разрешив режим управления сетью в Вестфальском духе, или изменить мир.

Враги открытого общества предпочитают первый путь, внедрение регулируемой системы. Авторитарные режимы боятся, что Запад попытается организовать Арабскую весну или Оранжевую революцию. Именно поэтому нелиберальные страны хотят разработать новые правила работы Интернета, положить еще один кирпич в стену (и случайно ли название ассоциации БРИК звучит по-английски так же, как «кирпич»?), расширить свое Вестфальское пространство на нашу общую Всемирную паутину. Это будет суверенитет на их условиях, нарушение свободы и суверенитета наших граждан.

В декабре этого года в Дубае состоится первая всемирная конференция Международного телекоммуникационного союза после 1988 года. Результаты этой конференции и связанных с ней процессов помогут сформировать структуру сети на поколения вперед. Может показаться, что конференция находится в ведении министерств торговли и коммуникации, но не заблуждайтесь: там громко прозвучат призывы ограничить свободное выражение мнений в том виде, в каком оно существует в сегодняшнем Интернете.

Авторитарные режимы снова внесут предложения изменить существующую модель Интернета с его многочисленными участниками, заменить ее схемой, в которой можно будет расширить контроль над собственным населением и своей экономикой, ограничить ту свободу и открытость, которую мы так ценим сегодня. Они будут настаивать, что суверенитет в киберпространстве необходим, чтобы обуздать киберпреступность и кибертерроризм.

Международный союз предложит новые правила. Коалиция «Фридом онлайн», в которую входит и моя страна, получившая по квалификации «Фридом Хаус» первое место за свободу в Интернете, выступает против любых попыток ограничить свободу выражения в любой форме, но особенно в цифровой.

Мы, как и другие защитники свободы в Интернете, будем присутствовать на заседании Союза, но там будут и многочисленные сторонники авторитаризма. Они хотят вторгнуться на нашу территорию свободы. Они хотят сделать свои ценности по-настоящему всеобщими. Они захотят подмять и нас. Давайте им этого не позволим.